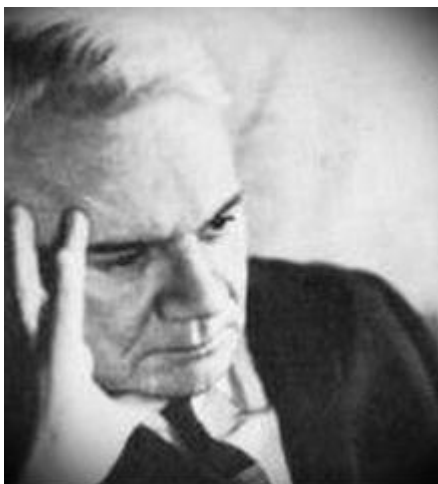

ЕВГЕНИЙ КИРИЛЛОВИЧ ГОЛУБЕВ (1910 – 1988)

Недавно одна знакомая нашей семьи попросила прочесть в свежем номере «Нового мира» ее воспоминания о близких ей людях. Написано с любовью и с чувством, но речь идет о людях, о которых я ничего не знал, и времена эти я не застал, и я подумал о том, что мемуары интересны только историкам, да и то, если таковые найдутся. Другое дело, если воспоминания касаются каких-то знаковых фигур в истории или искусстве, имена которых до сих пор на слуху.

Все же я захотел написать о моем учителе, Евгении Кирилловиче Голубеве, у которого я занимался в классе композиции в Московской консерватории.

Наверное, в силу моего возраста Голубев мне казался стариком, хотя ему было тогда пятьдесят с небольшим. Хотя мне говорили, что Е.К. был до недавнего времени совсем иным, и его подкосило семейное несчастье и травма, полученная по время путешествия в горы. Е.К. часто занимался со студентами дома, в Композиторском доме на улице Неждановой. Мы приходили на занятия в своё определенное время, так что редко удавалось послушать музыку друг друга.

В то время на нас вывалилась вся музыка XX века, от Шенберга до Пендерецкого и Штокгаузена (не подумайте, что ее передавали по радио, но мы ее слушали, и Юрий Николаевич Холопов в курсе Анализа ее рассматривал). Но в классе Голубева адептов авангарда не было, а в Консерватории авангардистами считались Алемдар Караманов и Геннадий Банщиков.

Е.К. никогда не пытался изменить стиль приносимой ему музыки, заставить писать по-иному. Он мне говорил, что у меня уже сложились какие-то навыки, и мой стиль ему не близок, но мягко и корректно он боролся с перегрузкой аккомпанирующих голосов и отучил меня от повторяющихся аккордов в сопровождении. Взгляд его был снайперским! У меня не клеилась разработка в каком-то сочинении, и Е.К. сказал: «Я не могу Вам навязывать, это Ваша музыка, но я бы на Вашем месте эти четыре такте повторил, может быть, в видоизмененном виде». Я попробовал дома, и сразу все мои проблемы разрешились, и музыка ожила.

На уроках Е.К. нередко отвлекался (я ныне прекрасно его понимаю, как скучно порой заниматься со студентами). Мог вдруг сначала беззвучно смеяться, а потом вымолвить: «А помните, у Достоевского есть намек, что у Фомы Фомича было что-то с генеральшей...» Достоевского он обожал, и старался своим увлечением заразить нас.

Е.К. иногда рассказывал о себе. Он занимался в классе Николая Яковлевича Мясковского. Студенты приходили заниматься к профессору домой, и когда уходили, то Мясковский каждому подавал его пальто. Юнцы смущались, а Мясковский говорил: «Ну, что Вы! Вы ж мой гость». Однако воспоминания не были благостными: когда студент

Голубев из-за тяжелой болезни три месяца не появлялся на занятиях, профессор даже не поинтересовался, что с ним случилось. Иногда Е.К. говорил, что считает себя учеником Н. Жилиева, а не Мясковского, и рассказывал, во что обошлась Жилиеву дружба с маршалом Тухачевским.

Е.К. позволял себе ёрничать и не скрывал этого от учеников. Он рассказывал, что недавно побывал в гостях у своего ученика, а ныне маститого и заслуженного А.Я. Эшпая, и хозяин дома стал хвастаться своей коллекцией заграничных спиртных напитков. Голубев выбрал самый дорогой коньяк, и попросил Эшпая угостить его, что совершенно не входило в планы хозяина дома... Альфред Шнитке хотел познакомить Голубева со своей второй женой. Голубев отказался, сказав, что очень ценит бывшую жену Альфреда и выбирает ее. С первой женой Шнитке на самом деле Голубев не дружил.

Голубев сочинял интенсивно, но не писал конъюнктурных сочинений к Юбилеям и Съездам. Союз Композиторов он почти не посещал и своих учеников не продвигал (мне было это известно, когда я попросился в его класс). Так что значительная часть сочинений Голубева писалась «в стол» и до сих пор остается неисполненной. Голубев чувствовал в это глубокую несправедливость и говорил нам:

- Откуда Вы знаете, кто сейчас – великий композитор? Шостакович? А Вы слышали симфонии Олега Эйгеса? Может быть он – великий композитор?

Надеялся ли Е.К. на справедливый суд потомков или на Высший Суд? Не знаю.

Обид было достаточно. Второй фортепьянный концерт Голубева был выдвинут на Сталинскую премию. Но во время обсуждения Т.Н.Хренников сказал: «Но ведь Концерт не окончен, давайте подождем, когда композитор завершит это сочинение». Хренников прекрасно знал, что Концерт по идее – двухчастный.

Насколько я могу судить, в ближний круг друзей Е.К. входили дирижер Геннадий Проваторов, композитор Олег Эйгес, пианист Виктор Мержанов и скрипач Авет Габриэлян из Квартета имени Комитаса.

Е.К. приглашал своих учеников на немногочисленные исполнения своих сочинений. Помню исполнение в ДРЗЗ первого фортепьянного концерта, в МЗК играли арфовый квартет, в Колонном зале 5-ю Симфонию. Первые из этих сочинений были написаны за много лет до этих концертов.

Когда я в 1968 году кончил Консерваторию, я сказал Е.К.: «Получается так, что теперь я уйду в никуда...» Е.К. удивился: «Что ж Вы не сказали мне, что хотите поступать в аспирантуру?»

После окончания Консерваторию я побывал у Е.К. всего один раз, в 70-е годы. Показывал новые сочинения, Е.К. что-то полезное советовал. Но я ощутил, что я для него плюсквамперфект. Задаю себе вопрос: «А чем я лучше? Так ли мне интересна жизнь моих бывших аспирантов?»

Слава Богу, в Интернете имеют записи некоторых сочинений Е. К. Голубева, так что любопытствующие могут немного прикоснуться к его творчеству.

Сентябрь 2018 года